

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

«Деидеологизация» и новые мифы

О некоторых особенностях историографической ситуации конца 1980-х годов

Идеологические предпосылки распада СССР — тема малоизученная и малоизучаемая. Феномен быстрого и бессильного распада огромного государства затмевает те идеологические процессы, которыми сопровождался кризис СССР, «перестройка» и наконец его развал. Идеологический кризис КПСС и «советской модели» в целом кажется естественным, поэтому в массе книг, статей и учебников от него отделяются парой строчек или страниц. Конечно, недоступность важной части источников (партийных и государственных документов) и одновременно обширность источниковой базы делают задачу анализа идеологических процессов недавнего времени особенно сложной. Но ряд аспектов уже сейчас можно в той или иной степени успешно реконструировать.

Эта задача тем более актуальна, что сейчас, по прошествии двух десятков лет, все чаще звучат голоса о необходимости проведения определенной «политики памяти» по образцу европейских государств (прежде всего за образец здесь берутся Франция и Германия). Но ни о какой «политике па-

мяти» в современной России не может идти и речи — и не потому, что, как часто говорится, «в обществе нет согласия» относительно целого ряда исторических событий и процессов последних двух веков. Согласие вообще не может возникнуть, если интерпретации истории всерьез затрагивают интересы противоборствующих слоев и классов, интересы масс людей. Но дело еще и в том, что содержательные исторические дискуссии не могут возникать на полной мифов и прямых фальсификаций основе.

В связи с этим важно показать, как именно было сформировано современное российское пространство памяти и какие особенности свойственны восприятию истории в постсоветском обществе. При всей условности говорения «за все общество», при всех особенностях группового сознания различных страт все-таки можно выделить ряд общих черт. Прежде всего, в современном российском обществе распространен стихийный агностицизм по отношению к истории. О разных исторических сюжетах говорить очень любят, но при этом уверены, что «все

СОЛОВЬЕВ Сергей Михайлович — доцент Московского городского психолого-педагогического университета, главный редактор журнала «Скепсис» и сайта Shalamov.ru, кандидат философских наук.

Ключевые слова: история, перестройка, советская историография, идеологизация, деидеологизация, историографические мифы, методология истории, философия истории, методологические дискуссии, распад СССР.

врут», что узнать истину о прошлом невозможно либо совсем, либо по отношению к событиям XX века уж точно. Причина этой уверенности в очевидном «переписывании истории», которое наши современники наблюдали в течение последней четверти века, а также в громких (и зачастую — сфальсифицированных) разоблачениях темных пятен недавнего прошлого.

В свою очередь, это создало питательную почву для так называемой фольк-хистори¹, в которой немало важную роль играют националистические идеологемы, с которыми замечательным образом соседствуют и «теории заговора» самых разных видов и типов: от конспирологических версий причин революции 1917 года до мифического «плана Даллеса», взятого, на самом деле, из книги официозного советского писателя А. С. Иванова «Вечный зов». Все это подтверждается не только наблюдениями, но и преподавательским опытом автора статьи. На вопрос «можно ли узнать истину о прошлом?»² подавляющее большинство студентов отвечают либо прямо отрицательно, либо с сомнением, приводя в качестве аргументов именно переписывание истории, сложность отделить корыстные выдумки идеологов прошлого (начиная с летописцев) от фактов, уничтожение источников, свидетельствующих против официальной версии, и т. д.

¹ Д. М. Володихин. Феномен фольк-хистори. — «Международный исторический журнал». 1999. № 5.

² Возможные упреки в «несовременности» подобной постановки вопроса, в самой расплывчатости понятия истины, в непонимании изначальной субъективности исторического знания и проч. автор статьи отмечает с порога как проявления интеллектуальной моды на постструктурализм, который в качестве методологии для историка бесполезен чуть менее, чем полностью. См. Дж. Тош. Стремление к истине. Как овладеть мастерством историка. М., 2000. С. 151—184.

Следующая особенность, связанная уже с деятельностью самих историков, — это уход в голый позитивизм, отказ не только от теорий, но даже и от обобщений. В авторефератах некоторых недавно защищенных диссертаций ранее обязательный абзац, посвященный методологии, просто исчез. Историки, прежде всего молодые, видят себя в качестве сборщиков фактов, но отсутствие теории приводит их, во-первых, к очевидным ошибкам при интерпретации собранного материала, во-вторых, к идеологизации, так как место теории неминуемо занимают господствующие идеологемы и стереотипы обыденного сознания. Стремление ограться позитивистским подходом («интерпретации и теории — не дело историка!») стало своеобразным ответом профессионалов на разгул фальсификаций, причем со стороны многих историков — ответом совершенно осознанным³. Для выявления истоков этих явлений надо рассмотреть ситуацию в исторической науке во второй половине 1980 — начале 1990-х годов.

В конце 1980-х годов был выдвинут лозунг «деидеологизации» исторической науки. Прежде всего, это касалось историографии российских революций. В. П. Булдаков уже в 1998 году писал, что «только атмосфера “деидеологизации” и “деполитизации” может мобилизовать волю к познанию истины»⁴. Полемизируя с этими словами, автор статьи «Современная отечественная историография русской революции 1917 года» Н. Д. Ерофеев показал, что «под призывами к “деидеологизации” и “деполитизации”, как правило, име-

³ См. Л. Ляшенко. Противоядие — позитивизм... — «Скепсис». 2005. № 3/4. С. 25—28.

⁴ В. П. Булдаков. Октябрь и XX век: теории и источники. — «1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению». М., 1998. С. 12.

ется в виду освобождение лишь от идеологии и политики советского времени, но не всегда говорится, что историческая наука не может быть полностью деидеологизированной и деполитизированной. Историк не живет вне общества. <...> Ныне воздействие на формирование либеральной трактовки революции осуществляется не так, как прежде, не столько методами прямого давления на историков, сколько опосредованными путями, через публицистику, средства массовой информации»⁵.

Одно из доказательств отсутствия «деидеологизации» — это классификация направлений в историографии по идеологическим критериям. Н. Д. Ерофеев приводит несколько примеров классификаций, предлагаемых разными историками, но все они выстроены целиком или частично именно в соответствии с политическими убеждениями их авторов. Сам Н. Д. Ерофеев предлагает выделять три направления: консервативное, либеральное и социалистическое⁶. Сам этот факт со всей очевидностью демонстрирует, что хваленая «деидеологизация» провалилась — и не могла не провалиться. Но почему это произошло?

Для ответа на этот вопрос следует прежде всего обратить внимание на такую особенность современной историографии, как представление о руководящей роли идей. Еще в 1988 году известный историк, специалист по биографии В. И. Ленина В. Т. Логинов зафиксировал:

«Есть такое немецкое слово “геллертерство”, оно обозначает способность людей создавать очень стройные логические схемы, которые на первый взгляд сразу все объясняют.

У меня недавно была дискуссия, в ходе которой один из товарищей заявил: “Почему произошла гражданская война? Очень просто, все понятно. У Ленина в голове сидела марксова модель социализма. И когда революция победила, эту модель стали внедрять, в результате “получили” со стороны крестьянства, остальных слоев гражданскую войну”. Это прелестное теоретическое рассуждение. У него есть все преимущества логических связей. Однако есть один маленький недостаток — оно не вписывается в реальную историю»⁷.

На самом деле В. Т. Логинов зафиксировал первое следствие распространения позитивизма в общественных науках. Если объективные, материальные причины общественных изменений отсутствуют, то для интерпретации событий историки неминуемо скатываются на уровень историографии XVIII века — к теориям ведущей роли идей и «великих личностей». Причем если В. Т. Логинов говорил об «идеализме» в понимании истории в целом, то и господство теории «великих личностей» также стало заметно еще в конце 1980-х:

«Сперва справедливо и резко были осуждены преступления Сталина и созданной им системы. Но вскоре оказалась карикатурной и облитой грязью сама народная история, приходящаяся на время сталинщины. Многие публицисты и историки, похоже, вернулись к главной методе средневековой историографии — писать и понимать историю народов как историю правителей. И коль правитель плох, то плохи и эпоха, и народ, который жил в стране в то время»⁸.

⁷ В. Т. Логинов. Выступление на семинаре «Проблемы разработки концепции современного социализма». — «Вопросы философии». 1988. № 11. С. 49.

⁸ А. Дегтярев, Г. Соболев, И. Фроянов. Место в истории, место в политике. — «О Ленине — правду! Дайджест прессы». Л., 1991. С. 74.

⁵ Н. Д. Ерофеев. Современная отечественная историография русской революции 1917 года. — «Новая и новейшая история». 2009. № 2. С. 97.

⁶ Там же. С. 95.

Ошибочно было бы предполагать, что этот историографический откат произошел *вдруг*, по мановению волшебной палочки вместе с началом «эпохи гласности». Предпосылки для него складывались задолго до этого — именно в советский период. Оставим за скобками тот факт, что советский истмат—диамат начиная со сталинского периода большей частью представлял собой схоластику, из которой было вытравлено живое зерно марксистской теории. Как хорошо известно, марксистская историография за рубежом развивалась успешно в течение всего XX века, а влияние марксизма испытали почти все серьезные теоретические направления (за исключением, пожалуй, герменевтики и микроистории, да и то не полностью). Достаточно привести в пример школу «Анналов», а в ее рамках прежде всего работы М. Блока о феодализме.

В большинстве случаев использование «марксистской методологии» с 1950-х годов советскими историками представляло собой механический подбор соответствующих цитат классиков и простейших логических схем, упоминаний о классовой борьбе и прочие формальные вещи. И чем дальше, тем больше такой «марксизм» дискредитировал сам себя и все больше превращался просто в маскировку самого обычного позитивизма (так что переход ряда историков в 1990-е к позитивизму произошел на заранее подготовленные позиции). Но дело было не только в этом. Несмотря на идеологический контроль, в рамках советской исторической науки (как и в других гуманитарных дисциплинах) возникали по-настоящему значимые теоретические дискуссии. С моей точки зрения, особенно большую роль в развитии отечественной историографии сыграли (но куда в меньшей степени, чем могли бы) две из них. Во-первых, это дискуссия об

«азиатском способе производства», во-вторых, спор вокруг так называемого нового направления в изучении империализма в России⁹. Обе эти дискуссии возникали в советской истории дважды: один раз в конце 1920-х годов, другой — в 1960-х, и, как известно, были прекращены административным путем в 1932 и 1973 годах соответственно.

Следует напомнить, что сам Маркс упоминал об «азиатском способе производства» как о первой классовой формации всего несколько раз, но важны не эти разрозненные и подчас противоречивые упоминания, а существо проблемы. Дискуссия об «азиатском способе производства» впервые началась в конце 1920-х в связи с конкретным политическим поводом — необходимостью оценить перспективы китайской революции. Для этого оказалось важным понять принципиальные отличия китайского общества, его экономики и классовой структуры от России и европейских государств. Именно тогда ряд историков и экономистов выступил с анализом восточных обществ, в котором было показано, что эти общества не проходили ни рабовладельческой, ни феодальной формаций, но в них существовала особая формация, основанная на государственной собственности на средства производства (прежде всего на землю). Следовательно, прибавочный продукт поступал государственному аппарату в виде иерархии чиновников, выступавших в качестве господствующего класса.

Суть этой дискуссии вынужденно остается за рамками этой статьи,

⁹ К этому же ряду марксистских, но противоречащих ортодоксии исторических школ необходимо отнести так называемую ленинградскую школу изучения революций 1917 года во главе с В. И. Старцевым, Г. Л. Соболевым и О. Н. Знаменским, находившуюся под давлением в течение всего своего существования и практически разогнанную в 1984 году.

важно то, в связи с чем этот спор прекратился. А произошло это по причинам отнюдь не научным, а сугубо политическим: во-первых, эта дискуссия по ряду аспектов соотносилась с теорией перманентной революции Троцкого и, следовательно, подверглась разгрому как «троцкистская»; во-вторых, было случайно обнаружено «сходство между экономическим устройством древневосточных обществ и... СССР»¹⁰. В период «оттепели» со второй половины 1950-х годов дискуссия возобновилась, так как цензурный пресс ослаб, а эмпирические данные по истории Древнего Востока никак не укладывались в прокрустово ложе официальной «пятичленки». К тому же схожая дискуссия началась и среди западных марксистов — в журнале «Marxism today». Но и в этот раз научный спор был прекращен по указке «сверху», победителем была объявлена официальная доктрина, несмотря на вопиющие противоречия с фактическим материалом.

Аналогичная история произошла и с дискуссией о степени развития капитализма в дореволюционной России. Начало ей было положено также в конце 1920-х годов обсуждением доклада Н. Н. Ванага, который показал, что уровень развития монополистического капитала в Российской империи был намного ниже, чем на капиталистическом Западе. Однако развитие темы недоразвитости и зависимого характера развития России до революции было прервано — это не вписывалось в официальную трактовку революции как объективно

порожденной противоречиями развитого капитализма¹¹. Во второй половине 1950-х годов, как и в случае с дискуссией об «азиатском способе производства», произошло ее повторение на новом витке, новом уровне освоения фактического материала, но с тем же результатом.

По словам В. В. Поликарпова, «новым направлением» «воссоздавалась естественная линия развития историографии, совершался, на новом уровне знакомства с источниками, возврат к старому предмету спора, искусственно прерванного в 1931 году окриком Сталина»¹². Родоначальниками «нового направления» выступили еще участники споров 1930-х годов — А. Л. Сидоров и И. Ф. Гиндин, к ним присоединились молодые историки В. П. Волобуев, К. Н. Тарновский, А. М. Анфимов, К. Ф. Шацилло, М. Я. Гефтер, А. Я. Аврех и др. Их объединяло представление о многоукладности дореволюционной российской экономики, наличии многих отсталых элементов не только в сельском хозяйстве, но и в промышленности, об огромной роли государства в промышленности и банковском секторе и, наконец, о более чем значительной роли иностранного капитала.

На основе их работ оказывалось, что представление о подчинении государственного аппарата монополиям, которое навязывалось официальной позицией, не имеет ничего общего с действительностью¹³. Выяснилось, что капитализм в России был отнюдь не передовым, а, говоря современным научным языком, носил

¹⁰ С. А. Ермолаев. Формационная теория в XX веке (социально-философский анализ). Дисс. на соискание уч. степ. к. филос. н. М., 2007. С. 130. См. о этой дискуссии эту диссертацию, а также: Он же. Споры об азиатском способе производства в отечественной марксистской литературе. — «Вестник МГОУ». Сер.: Философские науки. 2006. № 4

¹¹ О дискуссии вокруг позиции Н. Н. Ванага см. Г. Н. Ланской. Отечественная историография экономической истории России начала XX века. М., 2010.

¹² В. В. Поликарпов. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. М., 2008. С. 85.

¹³ См. там же. С. 91.

периферийный характер. Замечу, что именно в это время, с конца 1950-х годов, в Европе (Г. Мюрдаль), Латинской Америке (Р. Пребиш, Ф. Кардозу, А. Гундер Франк), Африке (С. Амин), США (И. Валлерстайн) возникают и развиваются теории зависимого развития и периферийного капитализма. Но если в СССР материалом для похожих выводов служила история дореволюционной России, то упомянутые социологи и экономисты изучали современные страны «третьего мира», чьими гражданами они в основном и являлись. Таким образом, советская наука в постановке проблемы зависи-

классовой структуры СССР — так как не видеть в ней классового расслоения внимательному историку-марксисту было уже невозможно. Участники же дискуссии о «новом направлении» показывали своими исследованиями, что революция 1917 года произошла отнюдь не в развитой капиталистической стране, а в отсталой периферийной, в которой — напрашивался вывод, разумеется, отсутствующий у Тарновского и его коллег, — не было возможности построить социализм, а значит, и существовавшая в СССР система — не социалистическая. И если эти радикальные выводы не

Переоценка развития капитализма в России, одобряемая «сверху», стала одной из предпосылок перестроечных и постперестроечных стенаний о дореволюционном «процветании» Российской империи. И разумеется, в первых рядах оказались те самые историки, кто выступал в роли гонителей «нового направления», которое «удалось почти полностью физически изжить».

делались самими учеными, то угрозу на инстинктивном уровне почувствовали зоркие инструктора Идеологического отдела ЦК.

Забегая вперед, выскажу предположение, что переоценка развития капитализма в России, одобряемая «сверху», стала одной из предпосылок перестроечных и постперестроечных стенаний о дореволюционном «процветании» Российской империи. И разумеется,

мого развития отнюдь не отставала от передовых открытий мировой — но не смогла этого осознать.

«Новое направление» было разгромлено по указке из Идеологического отдела ЦК во второй половине 1970-х. Оно, как и теория «азиатского способа», подрывало основы брежневско-сталинистской идеологической модели, пусть даже сами историки и не отдавали себе в этом отчета. Стронники «азиатского способа» приблизились слишком близко к анализу

ся, в первых рядах оказались те самые историки, кто выступал в роли гонителей «нового направления», которое «удалось почти полностью физически изжить, так что воспользоваться переменами, начавшимися в последние полгода его жизни, ни Тарновскому, ни другим историкам его круга почти никому не довелось»¹⁴. Например, сейчас модно говорить о процветании Российской империи, о том, что

¹⁴ Там же. С. 114.

накануне Февральской революции промышленный кризис в области вооружений был преодолен. Но именно К. Н. Тарновский с помощью скрупулезного анализа источников (журналов Особого совещания по обороне и Комитета по делам металлургической промышленности, действовавших при царском правительстве во время мировой войны) показал, что «оборотной стороной успехов военного производства был быстро развивающийся кризис недопроизводства в отраслях, обеспечивающих “мирные” потребности населения, расстройство экономических связей, диспропорции в развитии народного хозяйства в целом».

Перестройку этой системы «не смогли осуществить ни царское, ни буржуазное Временное правительство: общество и народ оказались заложниками их не до конца просчитанной экономической политики»¹⁵. Сейчас этот вывод поклонники Российской империи старательно игнорируют — как и исторические источники.

Но разгром новых научных направлений был связан не только с охраной идеологической ортодоксии. Уже в 1970-е годы часть партийной верхушки задумывалась о грядущем идеологическом повороте, поэтому в настоящем развитии марксистской теории они заинтересованы не были. К ним примыкала уже идеологически «перестроившаяся» часть интеллигенции. Ю. И. Семенов, активный участник второй дискуссии об азиатском способе производства, столкнулся и с тем, и с другим. Ортодоксы-чиновники от науки «зарезали» его статью «Об одном из путей становления классового общества», в которой на материале этнографических исследований доклассовых обществ анализировался социально-экономический строй Древнего Востока — они обнаружили, что «параллели между тем, что было в исследованных этнологией протополитарных обществах, и тем, что наблюдалось в нашей стране, явно напрашивались»¹⁶. Но и со стороны «либералов» марксистские тексты не встречали одобрения:

«Ваша статья, — сказал он (один из редакторов «Вопросов философии» в застойные времена. — С. С.) мне, — написана чрезвычайно ярко и убедительно. Прочитав ее, многие придут к выводу, что теория общественно-экономических формаций верна, что она не только не находится в противоречии с новыми фактами, но, наоборот, с ними полностью согласуется. Тем самым ваша статья будет способствовать росту доверия к марксизму, что допустить нельзя. Марксизм должен быть дискредитирован. Поэтому мы ее в журнал ни в коем случае не пропустим. Из статей по историческому материализму мы отбираем только самые дубовые, самые глупые, способные только окончательно скомпрометировать это учение. А если вы вдруг захотите обратиться за поддержкой к главному редактору, то мы ему скажем, что ваша статья является ревизионистской, что она направлена на подрыв марксизма»¹⁷.

Конечно, речь не идет об очередной теории заговора, но есть все основания утверждать, что в деле избавления от марксистской теории оказались объединены усилия пар-

¹⁵ Т. Д. Крупина. Участие К. Н. Тарновского в публикации исторических источников. — «Константин Николаевич Тарновский. Историк и его время. Историография, воспоминания, исследования». СПб., 2002. С. 70—71.

¹⁶ Ю. И. Семенов. Политарный («азиатский») способ производства. Сущность и место в истории человечества и России. Философско-исторические очерки. М., 2011. С. 9.

¹⁷ Ю. И. Семенов. Мой «путь в первобытность». — http://scepsis.ru/library/id_142.html

тийной бюрократии и либерального истеблишмента.

С введением «политики гласности» стали затрагиваться те вопросы, которые раньше находились фактически под запретом, начали выходить переводы зарубежных исследований отечественной истории, не укладывавшиеся в прежний официоз. Расцвет исторических дискуссий пришелся на 1987—1989 годы.

Даже в таком, казалось бы, идеологически заскоружлом журнале, как «Вопросы истории КПСС», в 1987 году начинают публиковаться интересные материалы в духе нового времени. В № 7 К. Н. Тарновский во время «круглого стола» «Историко-партийная наука: пути перестройки и дальнейшего развития» рассказывает о запрещении изучения проблемы «многоукладности», но его продолжают обрывать — например, С. С. Волк; а другой участник традиционно обвинил в «отрицании применимости формационного подхода». Будущая политическая «звезда» — Ю. Н. Афанасьев пока ограничился общими словами про господство «стереотипов» в исторической науке.

В № 10 выходит уже посмертная публикация статьи К. Н. Тарновского «О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа»¹⁸. В течение всего года журнал публикует материалы, посвященные национальному вопросу в СССР, — но их уровень весьма невысок. В 1988 году в № 5 официальный партийный историк Н. А. Васецкий критикуется за неумную, «застойную» критику в адрес зарубежных историков. В № 7 публикуются материалы «круглого стола» «Ленинское понимание народо-властия и современность», статьи

про последние работы Ленина. В № 8 историком Г. Н. Бордюговым продолжается тема «бухаринской альтернативы», затем эта тема возникает почти в каждом номере. Л. Д. Троцкого пока все еще представляют зловещей фигурой, но Бухарин уже легализован, а в № 11 журнала даже публикуются его письма.

В журнале «Вопросы истории» в течение этих двух лет — похожая картина. В № 2 за 1988 год появляется письмо из Сумгаита Б. А. Бекназарян под говорящим названием «Чтобы история говорила правду». Зато следующее письмо — «За точность в трудах историков»¹⁹ — как бы дезавуирует предыдущее: в нем на двух страницах идет речь о неточностях в литературе в изложении деталей соцсоревнования свеклоуборщиц в 1934 году. Но и здесь заметно «дыхание перестройки» — автор письма, учитель из города Жашков, смело критикует в недавнем прошлом главного партийного надзирателя за историками — С. П. Трапезникова. В № 3 за 1988 год появляются антисталинистские публикации: воспоминания И. А. Шляпниковой об ее отце, одном из лидеров большевиков, бывшем рабочем А. Г. Шляпникове; статья В. П. Данилова о дискуссиях в западной историографии на тему жертв коллективизации. В № 5 редакция публикует статью американского историка-«ревизиониста» А. Рабиновича «Большевики и массы в Октябрьской революции», и в том же номере — интервью с митрополитом Минским и Белорусским Филаретом о 1000-летию крещения Руси. Это интервью «уравновешено» умеренно-критическим по отношению к РПЦ очерком Г. В. Овчинникова²⁰. Почти весь июльский номер отводится материалам конференции на тему

¹⁸ К. Н. Тарновский. О предпосылках образования в России марксистской партии нового типа. — «Вопросы истории КПСС». 1987. №10.

¹⁹ См. «Вопросы истории». 1988. № 2.

²⁰ См. «Вопросы истории». 1988. № 5.

«Историки и писатели о литературе и истории».

Первый «идеологический» звонок, свидетельствующий о том, что «перестройка» пойдет куда дальше «возвращения к ленинским нормам» — № 9. В нем наряду с материалами «круглого стола», посвященного новым тенденциям в изучении нэпа, появляется статья филолога Б. В. Соколова о потерях СССР в Великой Отечественной войне, где официальный подсчет потерь объявлялся многократно (!) заниженным²¹. Уже тогда метод подсчета Б. В. Соколова не должен был бы остаться без комментария профессионалов. Критика, не оставляющая камня на камне от построений Соколова, появилась, но гораздо позже²².

Возникает закономерный вопрос: почему если раньше новые для читателя материалы сопровождалась комментариями или полемическими статьями (удачными или не слишком — не суть важно), конкретные спорные или ранее запретные сюжеты представлялись в виде «круглых столов» историков, философов и общественных деятелей, то с определенного момента «новации» появляются без какого-либо обсуждения? А ведь в отсутствие комментария они фактически подкреплялись авторитетом издания.

Наряду с реальными историческими дискуссиями в научных журналах появляются тексты, очевидно направленные на дискредитацию не только «антиперестроечных» сил, но на создание новых, уже откровенно антисоветских, мифов, часто копирующих

соответствующие установки правого крыла западной советологии, сторонников теории тоталитаризма. Появление статьи Б. В. Соколова в 1988 году выглядит либо случайностью, либо «пробным шаром». В дальнейшем публикации такого рода, а также куда более «сенсационные», станут нормой.

Краткий обзор перестройки двух исторических журналов весьма показателен. Обилие «круглых столов», дискуссионных статей рождало надежду на действительное избавление историков от догматики, однако совсем скоро ситуация изменилась. И если вокруг роли Бухарина, Троцкого, Ленина и в научных журналах, и в массовой прессе велись активные споры, то вскоре собственно *научные дискуссии* стали сходиться на нет, их заменило сплошное, как тогда говорили, «очернительство».

В 1987 году начинается лавинообразный рост публицистических публикаций по проблемным вопросам («белым пятнам») российской — прежде всего советской — истории. Два главных «перестроечных» издания — «Огонек» и «Московские новости», — становятся площадкой для сенсационных разоблачений; остальные издания подтягиваются по мере сил. Но роль историков-профессионалов была невелика, да и собственно обсуждений новых подходов, зарубежных исследований, новых источников было далеко не так много, как можно было бы предположить.

В 1990 году на «круглом столе» в «Вопросах истории» В. Т. Логинов предупреждал: «Необходима собственная, личностная позиция. Сетовать в одинаковой мере на удары “справа” и “слева” — это значит закрывать глаза на главную, если хотите, — “черносотенную” опасность со сторонних тех, кто пытается паразитировать на невежестве, кто не толь-

²¹ См. **Б. В. Соколов**. О соотношении потерь в людях и боевой технике на советско-германском фронте в ходе Великой Отечественной войны. — «Вопросы истории». 1988. № 9.

²² См. **В. Литвиненко**. К науке отношения не имеет. О «подсчетах» боевых потерь в ходе Великой Отечественной войны доктора филологии Бориса Соколова. — «Независимая газета». 28.09.2011.

ко не знает истории, но и не желает ее знать». Диагноз В. Т. Логинов поставил совершенно верно: «Хроническое запозывание историков — результат всего предшествовавшего развития нашей науки, вернее, того, во что она была превращена. И ныне наша историческая наука находится в глухой обороне. Впрочем, в окопы залегла и основная масса историков-профессионалов. Каждый лежит в своей индивидуальной ячейке и под градом пуль все ниже пригибает голову к земле. Разве нужны какие-то новые исследования для того, чтобы противостоять попыткам возвеличить “невинно-убиенного государя императора” или Столыпина? Разве в атмосфере всеобщего увлечения “красным террором” историки не могут внести свою лепту в поиски истины, рассказав хоть немного о “белом терроре” и о том социально-психологическом климате, который рождает многолетняя и кровавая война?»²³

В. Т. Логинов был одним из тех немногих историков, кто понимал невозможность «деидеологизации» с самого начала, необходимость для профессионала (именно ради установления истины!) «идти в политику», но именно в качестве просветителя, а не манипулятора. В этом его поддерживал П. В. Волобуев: «Наблюдается массовое отречение бывших поборников социализма и активных деятелей периода застоя от марксизма и социалистических ценностей. Иначе как предательством это не назовешь. Это сейчас приобретает широкий размах. И наоборот: те, что были во времена застоя под ударом, сейчас оказались в числе защитников социализма. <...> Непродуктивны и обращения к Столыпину. Вызывает удивление уровень некомпетентности экономистов, не отличающих

прусского варианта развития капитализма от фермерского. <...> Так, еще два года назад в издательство “Наука” была сдана и подготовлена к печати научно-популярная книга о Столыпине. Издательство сначала хотело ее пустить по “зеленой улице”, но теперь дело надолго затормозилось. Видимо, кое-кто идет на поводу у незрелой части общества, наконец, у “Памяти”, для которой Столыпин — национальный герой»²⁴.

Тенденция была обозначена совершенно точно. До сих пор — больше, чем через 20 лет после выступлений Волобуева и Логинова, — тон задают «перестроившиеся» «историки», заменившие культ Ленина культом Столыпина. И тут следует обратить внимание на слова П. В. Волобуева о той книге, издание которой «затормозилось». Речь, судя по всему, идет о монографии А. Я. Авреха «Столыпин и судьбы реформ в России»²⁵, которой выпала нелегкая судьба в самый разгар «перестройки» и снятия цензурных запретов. Крупнейший специалист по политической истории России до 1917 года, А. Я. Аврех закончил работу над этим исследованием незадолго до своей смерти в конце 1988 года. Книга, однако, вышла только через два с половиной года! Объяснение этому странному факту находим у несостоявшегося автора предисловия к ней, выдающегося специалиста по аграрной истории России XX века В. П. Данилова:

«А. Я. Аврех обратился ко мне с просьбой стать редактором этой книги и написать к ней предисловие. Он успел сдать рукопись в “Политиздат” незадолго до своей смерти в декабре 1988 года. Автор застал лишь начало идеологической кампании по возвы-

²⁴ Там же. С. 12–13.

²⁵ А. Я. Аврех. П. А. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991.

²³ «Вопросы истории». 1990. № 1. С. 10–11.

шению Столыпина и его аграрной реформы, но уже тогда смог оценить остроту и значение возникшей проблемы. В его книге было показано действительное содержание столыпинских реформ, их подчиненность помещичьим интересам и административно-принудительный характер их методов. Именно поэтому издание книги задержалось почти на три года, причем содержание подверглось грубому издательскому редактированию, многие тексты, не отвечающие новым идеологическим установкам, были изъяты. Я вынужден был отказаться от участия в издании настолько искаженной книги покойного автора. Мое предисловие было издательством отклонено»²⁶.

Схожая судьба постигла другую «антистолыпинскую» книгу историка А. А. Анфимова, первоначальное название которой звучало так: «Реформа на крови»: «Это было очень точное название, поскольку реформа была вызвана первой русской революцией и проводилась после ее подавления. Издательства потребовали изменить название книги. Второе название было очень спокойным — “П. А. Столыпин и российское крестьянство”, но рукопись ни одно издательство не приняло»²⁷. В итоге эта книга была опубликована только в 2002 (!) году тиражом 300 экземпляров²⁸.

Эта идеологическая цензура была связана с тем, что к тому моменту правящие круги в СССР и лично «архитектор перестройки» А. Н. Яковлев уже выбрали новый идеологический вектор. То, что могло быть по-настоящему опасным для «перестроечного

курса», не должно было стать предметом общественной дискуссии. Собственно, дискуссии стали сходить на нет и в общественных журналах, и вместо бурных обсуждений в «Вопросах истории» без всяких комментариев стали печатать «Большой террор» Р. Конквеста, «Очерки русской смуты» А. И. Деникина, в «Вопросах философии» появился Н. А. Бердяев и — уже в конце 1990 года — идеолог и предтеча неолиберализма Ф. фон Хайек.

Подчеркну, что в самом по себе идейном (идеологическом) «плюрализме» не было ничего зазорного. Но вместо дискуссионного пространства создавались новые культовые фигуры, новые мифологемы, по методам внедрения (и по их инициаторам) не отличаясь от старых²⁹. «Кое-чем, идущим на поводу у незрелой части общества», был слой партийной номенклатуры, готовивший идеологический переворот.

Несколько примеров тех методов, какими создавался миф о Столыпине. Начали эту пропаганду А. И. Солженицын в эмиграции, а затем — В. Г. Распутин, выступив с апологетикой Столыпина на первом Съезде народных депутатов СССР. Начиная с 1990 года выходят в свет книги и статьи, в которых славословия Столыпину мало чем отличаются от недавних восхвалений вождей КПСС. Вот, например, слова З. М. Чавчавадзе: «Необходимо скрыть от общественного сознания, что Россия встала на этот самый путь социально-экономического прогресса и что надо было только не мешать ему осуществляться теми грандиозными темпами, которые не только поражали мир, но пугали его. Именно эту правду стараются сегодня скрыть от дурманенного семидесятилетней

²⁶ В. П. Данилов. Из истории перестройки: переживания шестидесятника-крестьяноведа. — «Отечественные записки». 2004. № 1(15) (www.strana-oz.ru/?article=754&numid=16).

²⁷ Там же.

²⁸ См. А. А. Анфимов. П. А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.

²⁹ Подробнее на эту тему см. Ю. И. Семенов. Идеологическая мода в науке и скептицизм. — «Скепсис». 2003. № 2. С. 11–18.

целенаправленной ложью сознания советского человека те политические силы, которые крайне не заинтересованы в возрождении идеалов строительства национального дома на основе исторически сложившихся традиций и специфического опыта, накопленного россиянами за долгие века своего государственного бытия. Именно эта правда раскрывается во всей полноте в результатах глубоко продуманной и смелой реформаторской деятельности крупнейшего государственного деятеля и величайшего патриота России — Петра Аркадьевича Столыпина. Сама его личность и неутомимая деятельность на благо страны все еще остаются в отечественной историографии изуродованными самой бесстыдной и откровенно беспардонной ложью»³⁰.

В. В. Казарезов: «Вглядитесь в лицо человека, чей портрет воспроизведен на обложке этой книги. Его черты излучают ум, силу, волю, непреклонность, достоинство. Таким и был Петр Аркадьевич Столыпин, и это признавали все: и его единомышленники, сподвижники, и его тайные и явные враги»³¹. С. Ю. Рыбас и Л. В. Тараканова находили, что в своих речах Столыпин «обращается через десятилетия и к нам», а в результате столыпинских указов в России началась «экономическая бескровная, но самая глубокая революция»³².

Такого рода пафосных текстов появлялось огромное количество и в прессе, причем факты в них игнорировались начисто. В одной из первых таких публикаций под названием «За-

бытый исполин», появившейся в правом журнале «Наш современник»³³, автор запросто использовал термин «антирусский геноцид», говоря о противниках Столыпина, но при этом путал суммы ссуд Крестьянского банка, не ориентировался в распределении земель в 1905 году и утверждал, что Столыпин вовсе не разрушал общину. Начало же этому процессу было положено «сверху», самими «архитекторами перестройки». В. П. Данилов, который был включен в состав комиссии ЦК КПСС по вопросам аграрной реформы, формальным руководителем которой считался М. С. Горбачев (фактическим был Е. С. Строев), свидетельствует, как проходила встреча Горбачева с комиссией в августе 1990 года.

«Все началось с того, что собравшихся перед залом заседаний членов комиссии стал обходить заведующий сельхозотделом ЦК КПСС И. И. Скиба и с каждым в отдельности о чем-то обменялся двумя-тремя фразами. Дойдя до меня, он с доверительным видом сообщил, что мне дадут слово для выступления, если я готов выступить за введение частной собственности на землю и включение ее в товарный оборот. Услышав в ответ, что я против того и другого, Скиба сразу потерял ко мне интерес, отошел и тем же доверительным тоном повел разговор с кем-то другим... На заседании выступавшие доказывали необходимость введения частной собственности на землю и всячески проявляли свое единодушие с генсеком, выразившим во вступительном слове сожаление, что нет у него такого орудия земельных реформ, каким располагал Столыпин, — землеустроительных комиссий. Их поддержал присутствовавший на встрече Н. П. Шмелев, горячо тре-

³⁰ «П. А. Столыпин: Жизнь и смерть за царя. Речи в Государственном Совете и Думе. Убийство Столыпина. Следствие по делу убийцы». Сост. З. М. Чавчавадзе. М., 1991. С. 3.

³¹ В. В. Казарезов. О Петре Аркадьевиче Столыпине. М., 1991. С. 3.

³² С. Ю. Рыбас, Л. В. Тараканова. Реформатор: жизнь и смерть Петра Столыпина. М., 1991. С. 107, 69.

³³ См. И. Дьяков. Забытый исполин. — «Наш современник». 1990. № 3.

бовавший “перехода от слов к делу”. При этом он позволял себе в нетерпении стучать кулаком по столу. (Как говорили потом знающие участники встречи: “Не иначе как по поручению генсека”.) Лишь иронические, а часто и резковатые реплики В. А. Стародубцева противостояли организованному давлению на генсека, который соглашался с каждым (впрочем, не исключая и Стародубцева)»³⁴.

Ни о каком научном анализе речь не шла вовсе, разве что только формально. И так обстояло дело далеко не только с аграрным вопросом и личностью Столыпина. Осенью 1988 года была собрана группа историков, которая должна была написать новую историю КПСС. В нее вошли известные ученые П. В. Волобуев, Ю. А. Поляков, В. П. Данилов, В. И. Старцев, Г. З. Иоффе, В. Т. Логинов, С. В. Тютюкин, Е. Г. Плимак — без сомнения, эта группа включала в себя лучшие кадры тогдашней советской исторической науки. Помимо прочего, А. Н. Яковлев, лично курировавший работу группы, обещал этим историкам доступ в закрытые ранее архивы, однако обещания не сдержал³⁵.

Работа группы затягивалась, от работы с ней был отстранен Институт марксизма-ленинизма, одновременно А. Н. Яковлев заблокировал издание в ИМЛ популярной книги по истории партии. Затем последовала попытка вовсе разогнать ИМЛ³⁶, а Идеологический отдел ЦК не просто отдал инициативу в руки «демократической прессы», но и фактически мешал (блокируя доступ в архивы) полноценным научным исследованиям и дискуссиям.

³⁴ В. П. Данилов. Из истории перестройки: переживания шестидесятника-крестьяноведа.

³⁵ См. Г. З. Иоффе. Было время... Иерусалим, 2009. С. 153.

³⁶ См. Г. Л. Смирнов. Уроки минувшего. М., 1997. С. 232—233, 235—237.

На очередной встрече историков—участников группы с А. Н. Яковлевым они получили определенное указание: «Нам не надо ставить перед собой задачу способствовать стабилизации ситуации»³⁷, хотя именно в это время, по словам Г. З. Иоффе, «трудно уходили мы от одной исторической лжи, а уже накатывала другая. <...> Демократическая пропаганда <...> действовала расчетливо. <...> Из почти вековой истории большевизма вырывался сталинский период с его репрессиями и террором и накладывался на все предыдущее и последующее. Целенаправленный поиск всего отрицательного шел с нарастающей силой»³⁸. Историки отстали окончательно. В апреле 1991 года «в новом роскошном “Президент-отеле” на Якиманке состоялся международный симпозиум о Ленине и ленинизме. <...> Выделялся американский историк Р. Пайпс, который при Рейгане состоял его спецсоветником по русским делам. Раньше его числили по разряду самых злостных “фальсификаторов истории”. Теперь постаревший, но не изменивший своих взглядов, Пайпс, казалось, чувствовал себя победителем. <...> “Пайпсизм” становился чуть ли не образцом исторической правды в интерпретации российских событий конца XIX — начала XX века. Вчерашние “фальсификаторы” на глазах превращались в носителей исторической истины»³⁹. Новая история КПСС не была написана — так как работа историков уже не интересовала власти. Эту историю уже написали Р. Пайпс и его сторонники, создатели «теории тоталитаризма». Собственно исследовательская работа оказалась не нужна.

Такая же судьба постигла и готовившееся шестое собрание сочине-

³⁷ Г. З. Иоффе. Было время... С. 162.

³⁸ Там же. С. 161—162.

³⁹ Там же. С. 165—166.

ний В. И. Ленина, которое начали готовить в 1986 году, однако дотянули до августовского путча 1991 года. Не последнюю роль в этом затягивании играл Общий отдел ЦК⁴⁰, что вооружало критиков Ленина, прямо говоривших о сокрытых от народа кровавых распоряжениях вождя большевиков. Когда же в 1999 году должным образом подготовленный том «В. И. Ленин. Неизвестные документы»⁴¹ был наконец опубликован, сенсации не случилось. Но историки вновь решительным образом опоздали, да и тираж этой книги, отлично составленной и откомментированной, был всего 1500 экземпляров...

Подводя итоги, можно констатировать, что в конце 1980-х годов произошла не деидеологизация, а идеологический переворот в исторической науке, поддержанный либеральными интеллигентами при помощи части партийной номенклатуры. Свобода исторических дискуссий на самом деле была существенным образом ограничена. Также советская (и вслед за ней российская) историческая наука оказалась не готовой к преодолению догматики, так как наиболее плодотворные в научном отношении теоретические группы в послевоенный период были задушены, их участники подверглись административным преследованиям, а подчас и травле. Тон стали задавать вчерашние преследователи новаторов, например В. И. Бовыкин, активный погромщик «нового направления» до перестройки, теперь стал обвинять своих противников в... обеспечении поворота к *неосталинизму* в середине 1960-х годов⁴².

⁴⁰ См. **Г. Л. Смирнов**. Уроки минувшего. С. 213–214.

⁴¹ См. **В. И. Ленин**. Неизвестные документы, 1891–1922 гг. М., 1999.

⁴² См. **В. В. Поликарпов**. От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. С. 17.

Разумеется, автор статьи далек от того, чтобы преуменьшать ценность свершившейся в 1990-е годы «архивной революции», когда исследователям стали доступны сотни тысяч ранее засекреченных документов, многие тысячи были изданы и издаются. Но написание социально-экономической истории XX века, целостное понимание политических процессов невозможно без методологии, без исторической теории, на роль которой, конечно не могут претендовать схемы, заимствованные из других дисциплин⁴³.

«Перестроившиеся» с советской догматики на антисоветскую стали во главе «научных» направлений и академических институтов. Конечно, никто не отрицает возможности смены взглядов или идейной эволюции. Но поведение А. Н. Яковлева, Д. В. Волкогонова, А. Н. Сахарова, В. И. Бовыкина, А. Н. Боханова и многих других деятелей из числа тех, кто стал задавать тон в исторической науке 1990-х годов, находясь при этом на официальных постах и занимаясь написанием учебников, может служить образцом антинаучной конъюнктурности. Напротив, примером научной честности является самоосуждение А. М. Анфимова в его собственной книге — без малейшей попытки оправдания: «Автор этих строк качнулся в сторону главенствующего направления — признал в 1980 г. победившими капиталистические отношения в сельском хозяйстве России, чем и покрыл себя позором, прежде всего в собственных глазах»⁴⁴.

⁴³ Например, концепция «красной смуты» В. П. Булдакова, который собрал огромный фактический материал по истории Гражданской войны, объясняя его с... фрейдистских позиций. См. **В. П. Булдаков**. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.

⁴⁴ **А. А. Анфимов**. П. А. Столыпин и российское крестьянство. С. 232.

Нельзя не согласиться с В. И. Миллером, который подвел итог перестройки в исторической науке так: «На смену постепенному освобождению от исторических оценок, не выдержавших проверки всей совокупностью накопленных фактов, пришел поддержанный частью историков отказ не только от значительной части накопленных исторической наукой наблюдений и выводов, но и от хорошо известных фактов»⁴⁵.

Все вышесказанное может служить только подходом к проблемам исследования идеологических процессов недавнего прошлого, без изучения которых невозможно понять ни положения дел в современных общественных науках, ни особенностей современной политической ситуации. Причины очевидной деграда-

ции отечественной исторической науки (связанной с общим положением науки — и гуманитарной, и естественной) — не только в сокращении финансирования, малых тиражах научных монографий и периодики, трудности доступа провинциальных ученых в центральные архивы и библиотеки, общем падении качества школьного и вузовского образования и т. д. Причины заключаются еще и в том, что многие исследователи (сознательно или нет — не важно) отказались от «боев за историю», от просветительской миссии своей науки, от *обязанности просвещать*, уступив это поле профессиональным идеологам, фальсификаторам, журналистам, а также наименее чистоплотным и наиболее конъюнктурным представителям своего собственного цеха. ♦

⁴⁵ В. И. Миллер. Революция в России, 1917—1918 гг. Проблемы изучения. — Он же. Осторожно: история! М., 1997. С. 8.